

Тогда Вэй Си помог ему подняться, и они медленно, шаг за шагом, выбрались из гор.

— Мир боевых искусств — это место, где смешалось множество людей, владеющих боевыми навыками. Например, Му Ляньгоу по прозвищу Не оставляющий щепки, которого мы видели ранее, — один из них.

— Этот парень с первого взгляда не похож на честного человека, — фыркнул Вэй Си.

— Он и правда негодяй. Более десяти лет назад он убивал и поджигал, и власти даже выпускали ордер на его арест. Неизвестно, как до сих пор он может разгуливать на свободе, и его до сих пор не арестовали.

— Может, люди из поместья Се подкупили власти?

Су Цзиньчжи покачал головой:

— Неизвестно. Станных дел в белом свете немало, белое может стать чёрным, а чёрное — белым, это не редкость.

— Хорошо, шифу, продолжай. Кроме негодяев, что ещё есть в мире?

— Ещё? Есть знаменитые школы, такие как Шаолинь, Удан, Хуашань, Яньдан, Янься и другие. Эти школы, имеющие столетнюю историю, обычно называют знаменитыми кланами. Их ученики разбросаны по всему свету, их милость широка, и они пользуются уважением среди мастеров боевых искусств. Даже среди простых людей их имена известны и вызывают трепет.

— Янься? Красивое название.

Су Цзиньчжи кивнул. Они бежали всю ночь, прошли ещё немного, и как раз на горизонте начал пробиваться рассвет. Тёмный цвет неба, словно тушь, размывался водой, а снизу проступали редкие белые и синие оттенки. На краю неба, казалось, просачивалась алая заря, всё было туманным, и солнце вот-вот должно было взойти.

— Школа Янься находится на острове Янься в Восточном море. Там можно наблюдать восход солнца в пурпурном дыму и закат в красных облаках. Просто находясь на острове, можно видеть, как облака на небе меняются с утра до вечера, а морские облака покрывают небо, закрывая солнце...

Су Цзиньчжи говорил, слегка подняв глаза, и в его взгляде отражались яркие краски зари, переливающиеся, как сияющий хрусталь.

— Это даже красивее, чем наша гора Цзюянь!

— Красота пейзажа, конечно, хороша, но нужно уметь её ценить, чтобы было интересно. Если находишься в красивом месте, но каждый день думаешь только о мелких и грязных делах, то даже живя в райском уголке Пэнлай, всё впустую.

Вэй Си удивился:

— Разве люди на острове Янься не любят такие пейзажи?

— Все школы в мире оцениваются по уровню мастерства и масштабу. Если целыми днями предаваться созерцанию красоты, то лучше создать поэтический клуб или театральную труппу, зачем создавать школу боевых искусств? Поэтому школа Янься не довольствуется текущим

положением и стремится прославить школу и развить боевое искусство, что по сути правильно.

— Но? — Вэй Си почувствовал, что в его недосказанных словах скрывается что-то ещё.

— Но у всего есть мера. Любое чрезмерное упорство в конце концов ведёт по ложному пути. Школа Янься тоже имеет столетнюю историю, её старые порядки и старые правила, со временем неизбежно становятся косными и окостенелыми. Нынешний лидер школы Янься хочет восстановить былую славу и более десяти лет назад начал активно искать союзников в мире боевых искусств, объединяясь с другими праведными школами для наказания злодеев и повсюду вывешивая объявления о наборе талантливых людей. Всего за несколько лет он превратил скромную островную школу с числом учеников менее сотни в организацию с тысячами последователей, и имя школы Янься разнеслось от берегов Восточного моря до северных пустынь.

Вэй Си, услышав его насмешливый тон, был озадачен.

Хотя он и не был связан с миром боевых искусств, он иногда слышал рассказы бродячих сказителей в чайных и тавернах и знал, что в этом мире все герои считают славу своего рода главной гордостью. Привлечение талантов и объединение способных людей для общих великих дел должно быть полезным для мира боевых искусств, но почему в словах шифу это звучало так странно?

Поэтому он спросил:

— Разве это не благое дело?

— В начале это действительно было благое дело, — кивнул Су Цзиньчжи. — Но злодеев в мире не так много, и при таком масштабном походе не прошло и трёх-пяти лет, как крупные злодеи были уничтожены до единого. А союз праведных путей под предводительством школы Янься только что вкусил сладость победы, уничтожая всех четырёх сторон, как же он мог легко сложить оружие. Поэтому они перестали обращать внимание на то, заслуживают ли оставшиеся злодеи смертной казни, и, завидев, что кто-то совершил ошибку, тут же вынимали знамя союза, чтобы подвергнуть его суровому наказанию. Не только это, но эти объединившиеся школы, считая себя праведными, часто объявляли мастеров боевых искусств без школ и родов еретиками, изолируя и подавляя их, объединяясь против инакомыслящих. Такие группировки давно уже потеряли первоначальную цель союза. К тому же школа Янься безудержно расширялась, поначалу ещё могла привлекать каких-то честных людей, но потом в основном приходили карьеристы, привлечённые славой. Хорошая репутация столетней школы была испорчена этой группой людей с неизвестным прошлым.

Знаменитая школа боевых искусств, которая за короткие годы стремительно расцвела и так же стремительно сгнила, где взлёты и падения произошли словно за одну ночь, не может не вызывать вздохов.

Су Цзиньчжи, говоря о том, как была испорчена репутация школы Янься, выглядел очень одиноким. Хотя он не произнёс ни слова сожаления, Вэй Си видел, что в его насмешках было больше грусти.

— Шифу? Шифу?

Су Цзиньчжи, услышав его зов, очнулся:

— Что?

— Впереди, кажется, посёлок.

Су Цзиньчжи посмотрел по направлению его голоса и, действительно, вдалеке на горной дороге уже можно было различить крыши домов.

Свет стал ярче, чем раньше. Птичье пенье, стрекотание насекомых — все звуки один за другим оживали в ушах. Земля словно зевнула и лениво проснулась. А затем этот новый, огромный мир распахнул перед ними свои объятия.

Вэй Си дошёл до конца горной дороги и увидел, что утренний рынок уже начал разворачиваться. Те красные и зелёные, большие и маленькие ларьки, высокие и низкие люди разных ростов — все улыбались, встречая новый день.

Каким бы ни был мир в глазах других, в данный момент в глазах Вэй Си он, несомненно, был похож на жемчужину Восточного моря — остров Янься, загадочный и прекрасный, заставляющий сердце биться чаще.

Уездный город Шанъань на северном склоне горы был далеко от их Лекарской хижины на полпути к вершине, и по оживлённости и шуму он значительно превосходил уезд Наньлинь на южном склоне. Влияние поместья Се господствовало на юге, и, войдя в эти края, они больше не нуждались в прежней тревоге. Ведь в городе был чиновник, и даже самые незаконные лесные разбойники, войдя в город, должны были вести себя сдержанно.

Су Цзиньчжи не спускался с горы уже целых десять лет. Хотя он и не был привязан к мирской суете и не смотрел на всё с таким любопытством, как Вэй Си, видя знакомые сцены городской жизни после десятилетнего перерыва, он тоже испытывал много чувств.

Словно он спрятался в горах и проспал долгий сон, а, проснувшись, увидел, что перед глазами всё ещё тот же вид, что был перед закрытием глаз.

Су Цзиньчжи восстановил ноги и руки, шёл сзади Вэй Си, сложив руки за спиной, и с улыбкой наблюдал, как тот берёт в руки то одну, то другую новую вещь и внимательно её рассматривает. Он не вмешивался и не прерывал, словно вёл ребёнка гулять по рынку, и в его глазах читалась нежность и снисходительность.

Лишь когда Вэй Си взял ароматное хрустящее печенье, он нахмурил брови и сказал:

— У тебя рана, есть нельзя.

Вэй Си оглянулся на него, неохотно положил закуску обратно.

Су Цзиньчжи, увидев это, покачал головой, опустил голову, достал кошелек, вытащил медные монеты, заплатил торговцу, взял то жареное хрустящее печенье, отломил половину и положил в руку младшему брату:

— Совсем чуть-чуть.

Лицо Вэй Си сразу прояснилось, он радостно держал печенье и ел с аппетитом, казалось, на вкус оно было сладким, как мёд, и лицо его вот-вот расцветёт.

Они медленно шли мимо лапшичной, Вэй Си почувствовал богатый аромат лапши, варящейся в большом котле, причмокнул губами, Су Цзиньчжи ласково улыбнулся и повёл его внутрь.

Они бежали всю ночь и были голодны. В магазине было мало посетителей, у каждого по миске говяжьей лапши, запах был настолько соблазнительным, что Вэй Си с трудом мог оторвать ноги.

Когда они входили, они проходили мимо одного стола, Вэй Си удивлённо издал звук:

— О?

За тем столом сидели четыре монаха, у каждого тоже была миска говяжьей лапши. В миске были куски мяса, и они жевали бесцеремонно и размашисто, без малейшей сдержанности, свойственной монахам.

— Не смотри, — Су Цзиньчжи прошептал ему на ухо и, взяв Вэй Си за руку, повёл к столику в углу.

Тот монах, который ел мясо, с жадностью и шумом опустошил миску, хлопнул по столу и крикнул:

— Хозяин, ещё одну!

Вэй Си был удивлён и не мог удержаться, чтобы не украдкой взглянуть. Он увидел, что на этих людях мышцы вздуты узлами, одежды монашеские грязные и невыносимые, неизвестно из какого храма эти монахи-мясоеды, так позорящие буддийские врата.

— Не слушай.

Су Цзиньчжи смотрел прямо перед собой, не косо, достал из цилиндра две пары палочек, полил их чаем подогретым у хозяина, и когда их лапшу принесли, дал одну пару Вэй Си.

Монах, вызывавший лапшу, нетерпеливо посматривал на прилавок, его беспокойный взгляд скользнул мимо Су и Вэй и как раз упал на меч, завёрнутый в чёрную ткань.

<http://bllate.org/book/16836/1548290>